

6 сент. 1974г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОССИЯ
г. МОСКВА

К 150-летию Малого театра

М. Н. ЕРМОЛОВА. Конец 80-х годов. Публикуется впервые.

М. Н. ЕРМОЛОВА. 1906 г. Публикуется впервые.

М. Н. ЕРМОЛОВА, С. И. КАБАНОВА и др. на прогулке в одном из подмосковных имений. Конец 90-х годов.

ПРОИЗНЕСИТЕ имя — Ермолова, спросите, какая она, какой представляется нам, никогда ее не видевшим, и каждый мысленно обратится к знаменитому портрету Валентина Серова. Да, это Ермолова. Великий художник писал великую актрису (такова была его задача), но, если бы он задался целью передать образ Ермоловой в жизни, вне сцены, можно утверждать — то был бы совершенно другой портрет...

Пять лет назад мне предложили участвовать в создании Музея-квартиры М. Н. Ермоловой. Когда я впервые поднялась на третий этаж особняка по Тверскому бульвару, то немного растерялась среди постаревших вещей, пожелтевших бумаг, подношений...

Что я знала о Ермоловой? Все тот же портрет Серова. Конечно, и исследования о ней, и иконографию. Но что они могут рассказать о Ермоловой живой?

Мне предстояло целый год провести среди ее вещей. Постепенно вещи становились «разговорчивыми», а каждая строчка, написанная Ермоловской рукой, воспринималась глубже, приближала к ней.

Одному из собирателей автографов актриса написала:

Служенье муз не терпит суеты;

Прекрасное

должно быть величаво.

Пушкин.

Вполне с ним согласна.

М. Ермолова

Мне открылось, насколько она была согласна с Пушкиным, когда, наконец, вещи были поставлены на места, портреты развешены — комнаты «задышали», появился «воздух Ермоловой», в котором — покой и величие. И — простота, отсутствие броского, показного.

Как соединить Ермолову — властителя дум своего времени и Ермолову — застенчивую хозяйку дома, любящую все совсем простое? Разные люди приходят в музей. Иногда можно услышать, как с изумлением и даже некоторым разочарованием говорится: «Неужели такая знаменитая артистка и так бедно жила?..» Да, в квартире нет ничего «шикарного». Здесь жили не ради вещей.

Тех, кто хотел бы увидеть «роскошные апартаменты», к счастью, меньшинство. Чаще зритель пишет в книге отзыв: «Я побывал в гостях у Ермоловой». И это самая большая наша радость — мы стремились

позднее поселился здесь и студент-медик Е. И. Курочкин, автор не изданных до сих пор воспоминаний о М. Н. Ермоловой.

Пышных приемов Ермолова не любила, но регулярно, дважды в месяц, в доме на Тверском проводились «субботы»: в воскресенье спектаклей не давали, можно было попозже лечь спать. К Шубинскому приходили его коллеги из юридического мира, к Марии Николаевне — актеры, писатели. Обязательно присутствовали и ничем не знаменитые люди. Здесь принимали не по рангу, ценили не по чинам и званиям, а только по признаку душевной склонности и привязанности.

В гостиной Ермоловой по «субботам» бывали учительница музыки В. Кудрявцева — подруга детства Ермоловой; бывшая гувернантка ее дочери — Тереза Ивановна; переписчица из канцелярии Шубинского — П. Рыбникова. Непременно бывала на «субботах» очень оригинальная женщина С. Кабанова, купчиха-старообрядка. Кстати, писателя П. Боборыкина привлекала яркая, самобытная натура Кабановой, и он вывел ее в своей пьесе «С бою» в образе раскольницы Бурмистровой, а роль эту в Малом театре играла Ермолова.

С 1897 года в кругу Марии Николаевны появилась учительница женского училища А. А.

Обстановка «суббот» была самая непринужденная. Молодежь играла в фанты, Ермолова любила иногда сесть за рояль и исполнить с кем-нибудь в четыре руки своего любимого Бетховена.

Самые близкие друзья Ермоловой — типичные представители передовой русской интеллигенции того времени. Собираясь в ее гостиной, они снова и снова возвращались к «большим», «проклятым» вопросам русской жизни, о которых так страстно, так тревожно говорила актриса со сцены. Само собой, много разговоров было вокруг театра. Но только не слетен — хозяйка этого не выносила. Здесь вспоминали смешные истории, «накладки», как это теперь называется. Ермолова рассказывала, что во время спектакля «Орлеанская дева» в сцене поединка с Лионелем (его играл Ф. П. Горев) она должна была мечом сбить шлем с его головы, и вдруг, к ужасу обоих исполнителей, вместе со шлемом с Горева свалился его роскошный белокурый парик! Задышавшись от смеха, Ермолова изображала, как, лежа на полу, Горев подползал к парик, пытаясь засунуть в него голову...

Вообще же Мария Николаевна говорила мало, она больше слушала, сидя на своем любимом месте — в углу гостиной на козетке; на руках у нее устраивалась собачка Дези, существо неопределенной породы, об уме которой Ермолова была очень высокого мнения; слушая беседу, она часто и нервно закуривала тоненькие душистые папиросы...

Когда гостей не было, Ермо-

Инесса РОДИОНОВА

ЕРМОЛОВА У СЕБЯ ДОМА

передать эффект присутствия живой актрисы.

Создания актера неразрывны с его личностью. Не видя сценического творчества Ермоловой, можно многое понять о ней как актрисе, через нее — человека. И тогда, может быть, откроется, отчего ее так близко коснулась судьба актрисы Негиной, почему она так лично разделяла самоотверженность Орлеанской девы, чем задевали ее за живое женщины, идущие на гибель ради верности родины или предпочитающие смерть неразделенной любви...

Узнавая человеческий характер Ермоловой, осознаешь, почему современники называли ее защитницей или еще точнее — адвокатом своих героинь. Кстати, муж Ермоловой, Николай Петрович Шубинский, был по профессии адвокатом. Ученик Плевако, он был в свое время очень известен. Крылатой стала бытовавшая тогда фраза: «В этой семье два адвоката. Один защищает в зале суда, другой — со сцены театра».

Попробуем же мы прийти в гости к Ермоловой на Тверской бульвар где-нибудь на рубеже девяностых годов...

Н. П. Шубинский купил этот дом (теперь № 11) в 1889 году. Он понравился Ермоловой тем, что находилась неподалеку от мест, где она жила прежде (Большой Каретный, Сивцев Вражек), и близко от Малого театра. Там проходила почти вся ее жизнь. Свободного времени оставалось мало, сил — тоже.

Жили в доме большой семьей: сестра Н. П. Шубинского, Мария Петровна, вела хозяйство, в тишине и покое доживала последние дни мать Ермоловой, здесь воспитывалась ее дочь — Маргарита Николаевна и племянница — Клавдия Ивановна Алексеева, впоследствии актриса Малого театра. Во втором этаже находилась адвокатская контора Н. П. Шубинского, а его помощник В. Н. Лебедев жил в доме как член семьи;

Угрюмова, которая сделалась с тех пор самым преданным и неотлучным спутником всей жизни актрисы; она сопровождала ее во всех поездках, была с ней до последнего ее дня.

Но вернемся в девяностые годы...

Больше всего гостей собиралось в доме в «парадные» дни — в первый день рождества и пасхи, а также в день именин Н. П. Шубинского. То был человек, что называется, блестящий — остроумный, прекрасный оратор, эрудит, по-настоящему любивший и знавший театр (изредка он писал статьи на театральные темы и даже пытался играть вместе с Ермоловой в летних любительских спектаклях). Поздравлять его приходили А. И. Южин, М. П. Садовский, Ф. П. Горев, П. А. Хохлов, Ф. И. Шаляпин, В. И. Немирович-Данченко...

Однажды в день именин Шубинского произошел вот какой казус. 6 декабря 1899 года к Ермоловой пришел молодой тогда А. М. Горький, с которым она познакомилась прошлым летом и подружилась, найдя в нем «родственную душу». А. М. Горький нес Марии Николаевне свои только что вышедшие из печати книги, но в дом впущен не был...

В письме к общему с Ермоловой другу, Л. В. Средину, А. М. Горький тогда же написал:

«Проезжая через Москву... хотел видеть М. Н. Ермолову, но меня не приняли у нее, ибо я был 6-го — день, когда все адвокаты, рекомые Николаями, бывают именинники. Послал ей мои книжки и почему-то думаю, что она не получила их. Пишите Вы ей? Поклонитесь от меня, спросите о книгах».

Узнав, что произошло, Ермолова была в отчаянии... Разыскав адрес Горького, она сразу же послала ему письмо:

«...Как Вам не стыдно было не войти, надо было только велеть человеку назвать себя. Ну что делает! Горячее Вам спасибо за Ваши книги и за надпись, дорогой мой!»

лова отдыхала на том же диванчике, в углу рядом с печкой. Перед ней появлялась еще книга — читала она всю жизнь очень много.

Мало кто знает, что великая трагическая актриса писала... юмористические стихи.

Ермолова любила шутку, улыбку. Есть в ее архиве стихи, есть басни, но больше всего — стихотворных посланий к внуку, где она пародирует «высокий стиль» ложноромантических пьес. Перу Ермоловой принадлежат опубликованные уже в наше время небольшие новеллы «Легенда замка Мосбах». Известны и ее переводы с французского, один из них — рассказ Андре Терье «Бигарро» — был напечатан. Когда же ее возносили за талант, говорили о ее величии, она чувствовала себя неуверенно, хвalebных же рецензий о себе и вовсе не читала. А какого масштаба была ее слава, понятие всего будет из эпизода, описанного племянником Ермоловой, актером Р. Кречетовым, в его неизданных воспоминаниях, которые он называл «Тетя Маня».

«Однажды в Художественном театре обсуждался вопрос, пригласить ли на интимный вечер Марию Николаевну. Кто-то из актеров... входя, не дослышав и спросил, о какой Марии Николаевне идет речь».

— Когда говорят о Марии Николаевне, не называя фамилии, — сказал ему Немирович-Данченко, — это значит, что говорят о Марии Николаевне Ермоловой».

Я написала о том, что узнала из самых разных, малоизвестных источников — рукописей, хранящихся в фондах Театрального музея им. Бахрушина и других архивов, о чем слышала от родственницы Ермоловой — Т. Е. Зелениной и других.

Иногда, поднимаясь на третий этаж дома на Тверском бульваре, я словно слышу смех, звуки фортепьяно, радостный лай собачки Дези...